

Перевод победителя в номинации «Лучший перевод художественной прозы с английского на русский язык» Светланы Андреевны Неделько (г. Калуга)

Марк Герсон «В классной комнате»

(стр. x-xix, стр.91-94)

[...] Начало весны 1994 года я встретил на последнем курсе гуманитарного колледжа Уильямса в США. Как и перед всеми выпускниками, передо мной стоял вопрос – что делать после учебы?

[...] В какой-то момент я решил поступать в юридический. Это казалось верным решением – у многих уважаемых мной людей, не важно, кто они по профессии, есть диплом юриста. В январе 1994 года я подал документы в два юридических вуза – Гарвард и Йель – и был счастлив, что прошел в оба. «Здесь рады каждому», – вот, что говорили про Йель. Приехав один раз, я убедился в этом и решил поступать туда.

[...] У Йельского юридического факультета свое отношение к отсрочкам от обучения: они охотно предоставляют студентам возможность начать учиться через пару лет после поступления. То есть, места за вами сохраняются, а вы в это время можете работать или получать другое образование. Когда об этом рассказали тем, кто весной приехал познакомиться с университетом, я был приятно удивлен. Я вырос в Шорт-Хиллз – богатом пригороде Нью-Йорка, штат Нью-Джерси. Здесь почти у каждого есть высшее образование и лучший диплом из лучшего университета. Успех в Шорт-Хиллз – дело привычное, поэтому дети растут и воспринимают его как данность. Однако рядом с Шорт-Хиллз находится совершенно другой мир – мир, где люди находятся в вечном страхе из-за преступности, задавлены нищетой и знать не знают о достатке, к которому привыкли в знакомой мне части Америки. Я хотел не только как можно больше узнать об этой жизни, но и попытаться помочь кому-то из детей. Я решил принять предложение Йельского университета об отсрочке учебы и поработать в этом другом мире, таким образом свернув с проторенной дороги, по которой шли обитатели Шорт-Хиллз и выпускники колледжа Уильямса.

Я думал, что эта работа мне знакома. В старших классах и колледже я пару месяцев работал в летнем лагере для малообеспеченных детей и взрослых (как и для людей с особым психическим и умственным развитием) из близлежащих городов – Ирвингтона, Ньюарка, Ист-Оринджа и его соседей.

[...] Идея провести больше пары месяцев с местными бедняками показалась мне любопытной. И тут по счастливой случайности я наткнулся на идеальный для меня вариант – губернатор Том Кин предлагал программу «Выбери другой путь», которая предусматривала работу в государственных школах штата Нью-Джерси. В рамках этой национальной программы выпускники колледжей, у которых нет педагогического образования, могли преподавать в государственной школе Нью-Джерси, а квалификацию преподавателя получать на вечерних курсах и курсах выходного дня. Программа эта, по сути, была довольно смелой и необычной идеей, цель которой состояла в том, чтобы привлечь в школы преданных своему делу энтузиастов разных направлений, которые могли бы поделиться с учениками своими профессиональными знаниями и умениями. То есть, если бы Биллу Клинтону вдруг захотелось преподавать историю в старших классах Нью-Джерси, то отсутствие диплома по нужной специальности ему бы не помешало.

Требования к участию в этой программе довольно простые: нужно всего лишь иметь диплом колледжа и набрать проходной балл за государственный экзамен по педагогике, который я с легкостью сдал. Полученных за него баллов, оценок и выполненных заданий в колледже, положительных характеристик и публикаций хватило с лихвой, чтобы допустить меня к преподаванию обществознания и английского языка.

[...] Прошел июнь, а в июле в газете «Стар-Леджер» мне случайно попалось подходящее объявление: «В среднюю школу Святого Луки, город Джерси-Сити, требуются учителя истории, английского языка и математики. По всем вопросам обращаться по номеру 656-4127 к сестре Терезе». Кажется, мне наконец-то подвернулась реальная возможность! Наконец-то я могу связаться с кем-то!

Я позвонил в 9 утра следующего дня, и к телефону подошел Пол Мерфи – замдиректора школы. Я объяснил, что звоню по поводу вакансии учителя.

«Отлично, сможете подойти завтра на собеседование?», – спросил он.

«На собеседование?», – переспросил я.

«Да, завтра в десять будет удобно?» – спросил Пол Мерфи.

«Конечно!» – ответил я.

[...] На следующее утро меня проводили в кабинет. За металлическим столом, где аккуратно разложены бумаги и книги, сидела женщина.

[...] «Вы на собеседование?» – спросила женщина в возрасте, крупного телосложения, одета в бежевую блузку и длинную синюю юбку.

«Да, Марк Герсон», – представился я.

[...] Судя по табличке на дверях, это и была Сестра Тереза, но почему-то монашеского одеяния на ней не было. Позже я узнал, что в школе его больше не носят, чтобы не пугать учеников. Оправившись от удивления, я ответил на вопросы Сестры Терезы о моей подготовке: где учился? есть ли опыт преподавания? в чем заключалась работа в лагере? Видимо, Сестра Тереза была довольна тем, что услышала, и начала рассказывать мне о школе. Я узнал, что в ней учились 430 учеников, которые приехали из сорока двух стран. Более половины получали пособие от государства. Некоторые не говорили по-английски, многие были выходцами из Азии, Африки и Латинской Америки, у многих были неблагополучные семьи.

[...] На следующее утро в 9 часов мне позвонила Сестра Тереза и предложила взять программу пяти разделов истории США в десятом классе.

Я сразу же согласился.

[...] Так я и стал преподавателем в школе Святого Луки и со временем нашел общий язык с учениками и коллегами. Еще я узнал о том, как появляется доверие между учителями и учениками. Заслужить чье-то доверие не так просто, оно приходит постепенно, и сложно объяснить, как именно это происходит. Ученики начали доверять мне и другим учителям в силу разных причин, и каждый по-своему. Как-то я зашел в класс, и со мной поздоровалась Розалита, одна из лучших учениц 10-го класса. Я забеспокоился. В начале октября она принесла мне записку о том, что кто-то в ее классе страдает анорексией. Она не хотела говорить, кто именно, поэтому я подумал на нее. Через несколько дней я спросил у нее об этом и оказался прав. Следующий месяц мы подолгу гуляли до и после занятий, разговаривали про ее семью и проблемы с питанием. По моему совету она обратилась к психологу, и вроде бы все начало налаживаться.

«Дело не во мне», – уверила она, – дело в Чарльзе».

«В Чарльзе? А что с ним?», – спросил я.

«Чарльз, – помедлив, сказала она, – вчера вечером наглотался таблеток».

«Ты хочешь сказать...», – начал я.

«Да, я хочу сказать, что он пытался покончить с собой. И он выпил столько, что это чуть не произошло. Я не врач и все такое, но он принял слишком много», – сказала Розалита.

«Какой кошмар», – ужаснулся я.

«И он рассказал мне об этом», – поделилась она.

«А ты что ему сказала?», – спросил я.

«Я сказала, что ему нужна помощь. Он ответил, что понимает, но поделится всем только с вами. Мистер Герсон, но вы же знаете, что Чарльз очень застенчивый и сам бы не пришел. Я сказала ему, что сначала сама все объясню вам», – рассказала Розалита.

«Розалита, ты просто чудо. Сейчас позову его», – сказал я.

«Пойти с вами?», – спросила она.

«Нет, нам лучше поговорить с Чарльзом наедине. Если будет нужно, мы потом тебя позовем», – объяснил я.

«Чарльз, – спросил я, перехватив его спустя десять минут поисков, – не против пообедать сегодня со мной в кабинете?»

«Да, хорошо, мистер Герсон», – согласился он.

Поднимаясь по лестнице, мы говорили на отвлеченные темы. Мы понимали, что перейдем к гораздо более серьезным вещам, как только скроемся от посторонних глаз в классе.

«Чарльз, – сказал я, когда мы остались один на один в моем кабинете, – я знаю, что произошло. Розалита мне рассказала».

Я ждал ответа, но он молчал. Вместо ответа он тихо заплакал. Я прижал его к себе и обнял. Он заплакал еще сильнее. «Чарльз», – мягко сказал я, – Чарльз, я думаю, нам лучше поговорить после уроков. С минуты на минуту здесь будет целый класс, и тебе не стоит быть в таком виде». Вскоре он взял себя в руки и сказал, что подойдет после занятий.

Когда Чарльз вернулся после уроков, он был намного спокойнее. Он еще всхлипывал, когда говорил, но все-таки мысли излагал ясно. Отца у Чарльза не было, жил он с матерью и тремя младшими. У него был близкий человек – старший брат Билл, но год назад его застрелили. Билл не был преступником – он вступился за женщину около своего дома, и его убили. После смерти Билла у матери начались резкие перепады настроения, и она почти всегда была в депрессии. На плечи Чарльза легла ответственность за троих младших детей шести, девяти и десяти лет. К такому он был совершенно не готов.

Чарльз рассказывал обо всем около часа, а в конце твердо сказал: «Мистер Герсон, возможно, стоило сказать об этом с самого начала. Но не говорите ничего моей матери».

«Хорошо, Чарльз, не скажу», – пообещал я.

«И вообще никому не рассказывайте об этом», – добавил он.

«Чарльз, думаю, будет разумно, если ты разрешишь мне обсудить это с мистером Мерфи и мистером Сайдервиллом. Ты им небезразличен, они тоже волнуются. Они и тебя поддержат, и мне подскажут, как помочь», – объяснил я.

«Мистер Герсон, я вас очень прошу. Я не хочу, чтобы вы рассказывали кому-то. Пусть это будет между нами. Если бы я знал, что об этом узнает кто-то еще, я бы не стал вам говорить», – возразил он.

Сначала я согласился никому не рассказывать. Хорошо, что Чарльз поделился этим хотя бы со мной. Но я должен был сообщить обо всем третьему лицу – так положено по закону. Учителя должны сообщать о попытках самоубийства – и для того, чтобы обеспечить надлежащую охрану психического здоровья ребенка, и для того, чтобы обезопасить себя. Вдруг, не ровен час, Чарльз что-то сделает с собой, а его друг скажет: «Мистер Герсон знал, что у Чарльза были такие мысли, и никому не сказал» ... нетрудно догадаться, что моя жизнь после этого превратится в сущий ад. Когда я узнал о таких порядках, мне это показалось жестоким. Но потом я понял, что это неизбежно в мире, где все чуть что подают в суд, и вообще все это делается на благо детей.

«Чарльз, – сказал я, – я буду очень благодарен, если ты позволишь мне поговорить с мистером Сайдервиллом и мистером Мерфи. Я возьму с них слово не разглашать это, и ты будешь знать о любых наших действиях».

«Нет, мистер Герсон, – настоял он, – я уже говорил, что хочу оставить это между нами».

«Чарльз, послушай. Ты поделился со мной этим, чтобы я помог, и я правда хочу это сделать. Только дай мне возможность. Мистер Сайдервилл и мистер Мерфи организуют постоянные занятия с психологом, даже во время каникул. Разумеется, ты сможешь увидеться или поговорить со мной в любое время. У тебя есть мой домашний номер, и я только за то, чтобы ты звонил. Но я не смогу быть все время рядом, и летом я, может быть, не смогу отвечать на звонки несколько дней. Ты доверился мне, чтобы я помог, поэтому позволь мне решить, как лучше это сделать», – убеждал его я.

Скрепя сердце, Чарльз согласился, и я рассказал обо всем Полу Мерфи. Натану Сайдервиллу я рассказал еще за день до того, как разрешил Чарльз. Угрызений совести из-за нарушенного обещания я не испытывал, потому что полностью доверял Натану Сайдервиллу. Он был добрым, отзывчивым и опытным специалистом, который наверняка знал, как помочь Чарльзу и как поступить мне. Как я и предполагал, Натан посоветовал мне поддерживать контакт с Чарльзом и обращаться к нему за советом, как только понадобится. Он рекомендовал мне держать историю Чарльза в секрете, пока он не будет готов поделиться этим с кем-то еще. И вот тогда мы подключим психолога (как было с Розалитой), но я тоже останусь с ним на связи. Я дал Чарльзу свой номер (как и Розалите). Когда я рассказал об этом Натану Сайдервиллу, он одобрил эту идею. Розалита никогда не злоупотребляла звонками, поэтому я решил, что и Чарльз не станет. Я оказался прав. Мы несколько раз созванивались на рождественских каникулах, и Чарльз согласился сходить к психологу, когда в январе начнутся занятия.

(М. Герсон. В классной комнате: заметки из действующей школы в бедном районе / Марк Герсон. - Нью-Йорк; Лондон; Торонто; Сидней; Сингапур: Издательство The Free Press, 1997. - 258 с.)

Внимание! Ниже дан подробный разбор английского текста с комментариями члена жюри Л. А. Карповой, где желтым выделены фразы, вызвавшие наибольшие затруднения у участников. Синим шрифтом выделен комментарий эксперта. Мы рекомендуем вам просмотреть свои работы и соотнести их с данными комментариями, чтобы узнать какие ошибки вы допустили.

Mark Gerson «In the Classroom»

[...] In the early spring of 1994 – my senior year at Williams College – I was faced with the same question college seniors all over the country face: What should I do next year?

[...] I decided at some point to go to law school. A lot of the people I respect in a variety of fields have law degrees, so it seemed like the right thing to do. In January of 1994 I applied to two law schools, Harvard and Yale, (Такие искажения названий этих известнейших американских университетов, как Ховард, Йел без изменения по падежам, Эль, Ель, Яло свидетельствуют об отсутствии лингвострановедческой осведомленности, а также желания ее приобрести. Работы, содержащие такие варианты, дисквалифицируются. Строго говоря, Гарвард и Йель не являются «юридическими университетами», хотя в них осуществляется подготовка юристов на соответствующих факультетах) and was happy to be accepted at both. One visit to Yale confirmed what I had already heard: it is a friendly place (Назвать Йель «приветливым местечком» можно, только не имея представления об этом университете: в нем обучается более 11 000 студентов. Текст написан на литературном английском языке, поэтому сленгизмы типа «универ» в переводе неуместны.) with no grades (Это не значит, что знания студентов не оцениваются. Имеется в виду, что отсутствуют оценки людей по классовым, расовым, национальным и т.п. признакам. Правильными переводами являются «место, где всем рады/ место без снобизма». Перевод «без оценок» допустим в силу его расплывчатости, но слово «отметки» исключается также как и фраза «не ставят оценок»). I decided to go there.

[...] Yale Law School has a generous deferral policy: once admitted, students can hold their spot while spending a couple of years working or obtaining a graduate degree. (Отсрочка начала обучения зачисленным студентам предоставляется для постдипломного образования, например, получения магистерской степени, или работы. Все другие интерпретации являются искажениями смысла и домыслами. Например, перевод «для получения высшего образования» свидетельствует о незнании того, что на юридические и медицинские факультеты могут поступать только выпускники высших учебных заведений.) When this policy was explained to students (Здесь это слово должно переводиться как «студенты», т.к. они уже заканчивали колледжи) who visited the campus in the spring, (Перевод «летний лагерь» свидетельствует об отсутствии лингвострановедческой компетенции) I became quite intrigued (Перевод «растерялся» не соответствует смыслу; перевод «заинтриговался» не соответствует норме русского языка). I grew up in Short Hills, New Jersey, an affluent suburb of New York City in which nearly all adults have obtained the highest degree (это означает докторскую степень) in their field from a top school. (В англ. яз. слово School часто употребляется по отношению к высшим учебным заведениям, однако в русском языке более привычным является слово «вуз». Перевод «топовый» является сленгизмом). Success in Short Hills is so prevalent that children cannot help but grow up and think it perfectly ordinary. (Переводы «дети не помогают, а просто растут», «дети не могут не расти и считают это обычным делом», «дети не могли не развиваться» являются абсурдными и ведут к дисквалификации работ). Not far from Short Hills, however, is a whole other world, a world in which people are terrorized by crime, saddled by poverty and without any of the sense of abundance that characterizes the part of America with which I was familiar. I wanted to learn all I could about this other place and perhaps help some kids as well. I decided to accept Yale's offer to take a sabbatical from the standard path of Short Hills residents and Williams graduates (Переводы «взять творческий/академический отпуск по стандартной

программе жителей Шорт Хиллз и Уильямских учеников» и т.п. являются абсурдными и ведут к дисквалификации работ) and to work in a different world.

I thought that I knew how to do this. During **high school** (это означает старшие классы школы: 10-12) and **college** (перевод «университет» неверен) I had spent several **summers** («летних месяцев», но не «лет») working at a camp for poor, emotionally disturbed («эмоционально нарушенные» -- не по-русски) retarded children and **adults** (Это не переводится как «предки») from Irvington, Newark, East Orange, and Orange -- **all cities within ten miles of my home.** (Автор подчеркивает, что богатство и бедность существуют бок о бок: «все это -- города в каких-нибудь десяти милях от моего дома».)

[...] Intrigued by the possibility of spending more than a few months a year with the inner-city poor, I happened upon what I thought was the perfect opportunity: Governor Tom Kean's Alternative Route **Program for New Jersey public schools.** In this nationally heralded program, **college graduates without education degrees** (это значит «без педагогического образования»; перевод «выпускники колледжей без образования» является абсурдным и ведет к дисквалификации работы) could teach in a New Jersey **public** (это значит «государственная», а не «гражданская») school **while taking education courses** (курсы по педагогике, психологии и методике/учительские курсы) **at night** (по вечерам) and on Saturdays (субботам!). The Alternative Route was a bold effort to bring dedicated and energetic people from various fields into the classroom, where they could share their **expertise** («знаниями»; учителя не делятся «своими экспертизами») with schoolchildren. Thus, if **Bill Clinton** (Перевод «Билл Гейтс» свидетельствует или о крайней небрежности участника, или о крайне несерьезном отношении к участию в конкурсе. Работа дисквалифицируется.) decided to teach high school history in New Jersey after leaving the presidency, **the lack of an education degree** (Перевод «отсутствие образования» является абсурдным. У Билла Клинтона два высших образования, включая юридическое, полученное в Йеле. Имеется в виду отсутствие у него педагогического образования. Допущение, что в конце XX века в такой сверхдержаве, как США может дважды избираться президентом человек «без образования», свидетельствует об отсутствии сколь-нибудь реалистичных представлений о современности. Работа дисквалифицируется.) would not stop him.

The requirements for participation in this program are minimal; all a prospective teacher needs is **a college degree** (Все-таки нужно образование, причем высшее!) and a passing score on the National Teacher's Examinations. I returned from Williams to take this test, which I easily passed. The combination of my test score, my college grades, course work, recommendations, and my published articles amply demonstrated my competence to teach social studies and English.

[...] **June passed, and July** (Написание названий месяцев, равно как и названий дней недели, с большой буквы является неоспоримым признаком машинного перевода и ведет к дисквалификации работы; то же самое касается перевода «ушел» об июне) was doing the same when I **ran across** (Буквальный перевод идиомы «пробегал мимо» является абсурдным и ведет к дисквалификации работы) what seemed like a promising advertisement in the **Star-Ledger**: (Перевод названия газеты является неоспоримым признаком машинного перевода и ведет к дисквалификации работы)"History, English and Math **teachers needed at St. Luke High School** (Перевод «учителя нуждаются в школе...» свидетельствует об отсутствии базовых знаний по грамматике и ведет к дисквалификации работы) in Jersey City. Call 656-4127 and ask for Sister Theresa." Finally, what looked like a real possibility! I could actually talk with somebody!

I called at 9 A.M. the next morning, and the vice-principal, Paul Murphy, answered the phone. I told him that I was responding to the job offer.

"Okay, can **you** come in for an interview tomorrow?"(Обращение «ты» к незнакомому взрослому человеку является неоспоримым признаком машинного перевода и ведет к дисквалификации работы. То же самое касается употребления местоимения «вы» по

отношению к ученику, говорящему учителю «ты», и употреблению женского рода по отношению к Марку Герсону.)

"An interview?"

"Yes, an interview. How's ten o'clock tomorrow?"

"Great!"

[...] The next morning I was shown into an office. **A woman was sitting behind a metal desk** on which neatly arranged papers and books were stacked. (Наличие неопределенного артикля перед словом «женщина» требует следующего порядка слов: «За металлическим столом (не «железной партой!») сидела женщина»)

[...] "Are you here for the interview?" the woman asked. She was a heavyset older woman, dressed in a beige blouse and a long blue skirt.

"Yes, I am. (Перевод «Да, это я» неверен) I am Mark Gerson."

[...] Her nameplate revealed that this was Sister Theresa, but where was **her habit?** (Перевод «привычка» свидетельствует об отсутствии умения выбирать нужное значение многозначного слова, исходя из контекста, т.е. смысла написанного; «ряса»-- одеяние православного священника; «дамский наряд» -- еще один пример игнорирования контекста, т.к. монахиня была одета вполне «по-дамски»: в блузку и юбку. Слово **habit** означает также «дамский наряд для верховой езды», по-русски – «амазонка». Приемлемыми переводами являются «одеяние/облачение/мантия» и даже «платок») As I found out later, sisters no longer wear their habits in school; they don't want to intimidate the **students**. (По-русски учащиеся в средних учебных заведениях называются «ученики») Recovering from my surprise, I answered Sister Theresa's questions about my background: Where did I go to school? Did I have any teaching experience? **What was it like at the camp I worked at?** (Перевод «Каково было в лагере?» дословный и очень неуклюжий) Sister Theresa seemed satisfied with our conversation and **proceeded to tell me about the school:** (Она не «продолжила рассказывать о школе», а начала) The 430 students **came** (перевод «пришли» является признаком машинного перевода, абсурден в данном контексте и дисквалифицирует работу) from forty-two different countries. **More than half were on welfare.** (Перевод «были благополучными» является смысловым искажением; они были на социальном обеспечении/пособии) Some didn't speak English (перевод «были молчаливыми» является абсурдным; они просто не говорили по-английски), **few were white,** (перевод «были белокожими» является смысловым искажением; речь идет о расовой принадлежности, а не индивидуальных особенностях) and many were **from broken homes.** (Переводы «из разрушенных домов/некоторым было некуда идти» являются свидетельством непонимания; имеется в виду, что они были из неблагополучных семей или неполных, чаще всего с одним родителем/без родителей)

[...] At 9 A.M. the next morning I received a call from Sister Theresa. **Would I teach five sections of tenth-grade United States history?** (Имеется в виду предложение преподавать историю в пяти 10-х классах. Это не ясно из контекста, однако косвенным показателем является наличие литер у классов. Перевод «учить пять секций истории/пять уроков истории десятым классам» не соответствует нормам русского языка.)

Absolutely.

[...] And so I became a teacher at St.Luke (Перевод «Я стал учителем в Ст. Люке» не соответствует нормам русского языка) and gradually developed a working relationship with my students and colleagues. I also learned about trust between teachers and students. **The acquisition of trust is a gradual process that escapes easy articulation.** (Перевод со словами «артикуляция»/жестикуляция» является значимым смысловым искажением) The students who came to trust me and other teachers **did so one by one** (Не «один за одним», а «индивидуально/по одному») for unique reasons and in different ways. One day when I got back to my classroom, I was greeted by Rosalita. She was one of the best students in **10Y**, (Это один из тех пяти 10-х классов, в

которых автор преподавал историю США) but I was a bit concerned to see her. In early October Rosalita had given me a note saying that someone in her class was anorexic. She wouldn't tell me who, so I suspected her. I asked her a few days later, and she said I was correct. Throughout the month, we took long walks before and after school to discuss **her family situation** (Перевод «**семейное положение**» **относится к состоянию или не состоянию в браке**) and her eating problems. On my recommendation **she had started counseling**, (Не «**начала консультировать**», а «**консультироваться**») and it seemed to be going very well.

"It is not about me," she assured me. "It is about Charles."

"Charles. What about Charles?"

"Charles," she said, waiting for **a few moments**, (не «**несколько минут**») **"took a lot of pills last night."** (Перевод «**взял много таблеток**» является свидетельством использования машинного перевода)

"Do you mean..."

"I mean he tried to kill himself (Перевод «**самоубиться**» не является литературным). And he took so much **he almost did it**. (Перевод «**и он уже делал это раньше**» является смысловым искажением; **имеется в виду, что он чуть не умер**) I'm not a doctor or nothin', but he took too many pills."

"Oh God."

"And he told me."

"What did you tell him?"

I told him that he ought to get help. He said he knew, but would only talk to you. But you know Charles, Mr. Gerson, he's too shy, so he wouldn't come on his own. **I told him I would tell you first.** (Перевод «**Я сначала скажу Вам**» не соответствует ситуации, т.к. Чарльз и так был согласен обратиться именно к этому учителю. Росалита сказала, что она первой поговорит с учителем и подготовит его к беседе с Чарльзом).

"Rosalita, you're an angel. I'll get him now."

"Want me to come?"

"No, Charles and I better handle this alone. We'll get you later if it's appropriate."

I sought out Charles during lunch. "Charles," I said catching up to him after ten minutes of looking, "why don't you have lunch with me in my room today?"

"Well, okay, Mr. Gerson." We walked up the stairs, **making small talk** (буквальный перевод «**делая маленький разговор/маленькую беседу**» свидетельствует о незнании данной идиомы) and knowing that our conversation would immediately become extremely serious as soon as my classroom door shut behind us, guaranteeing privacy.

"Charles," I said as soon as we were safely in my room, "I know what happened. Rosalita told me."

I waited for his response, but he didn't say anything. Instead, he began to cry softly. **I put my arm around him**, pulling him close to me. **He began to cry even harder.** (Перевод «**заревел еще сильнее**» после «**тихо заплакал**» не соответствует ни ситуации, ни стилю) "Charles," I said **softly**. (Перевод «**сказал я нежно**», особенно после перевода «**обвил его рукой**» может произвести ложное впечатление. В обоих случаях слово **softly** значит «**тихо**»)

"Charles, really, we have got to continue this after school. Twenty-five **students** (учеников/ребят и т.п.) will enter this room in about two minutes, and they shouldn't see you like this." He composed himself after about a minute and said that he would come back after school.

When Charles returned to my room after the last period of the day (после последнего урока), he had calmed down considerably His speech was still broken by a teary cadence, but he made his points nevertheless. (Часто повторяющийся перевод «его речь прерывалась слезливой интонацией/слезливым ритмом» свидетельствует об использовании машинного перевода и является абсурдным, т.к. интонация и ритм являются неотъемлемыми характеристиками звучащей речи и не могут ее прерывать; также неверен перевод «изложил свою точку зрения.» Работы, содержащие такие предложения, дисквалифицируются.) Charles had no father and lived with his mother and three younger siblings. His older brother, Bill, to whom he was very close, (Перевод «который был очень закрытым человеком» является смысловым искажением) had been shot to death the year before. Bill, who was not involved in anything criminal, had been shot in a dispute over a woman outside his apartment. (Переводы «был убит женщиной/во время ссоры с женщиной»/после ссоры с женщиной/из-за квартиры» являются смысловыми искажениями.) After Bill's death his mother had experienced wild (буквальный перевод «дикие» применительно к перепадам настроения не соответствует стилю) mood swings and spent most of her time in depression. Responsibility for the three younger children – ages six, nine, and ten – fell to Charles, who was simply overwhelmed. (Имеется в виду, что Чарльз не справлялся со сложившейся ситуацией, а не «перегружен учебной»)

After discussing his situation for about an hour, Charles concluded with a demand: "Mr. Gerson, maybe I should have said this when we started talking. But you can't tell my mother." (Перевод «Но не могли бы вы не говорить моей маме.» является неверным: Чарльз категоричен в своем требовании)

"Okay, Charles, I won't."

"And you can't tell anyone else, either." (Перевод «И ты тоже никому не говори» является смысловым искажением. Чарльз просит учителя не говорить о его попытке самоубийства не только его матери, но и вообще никому; о подобном употреблении местоимения «ты» сказано выше)

"Charles, I think it would be really helpful if you let me speak to Mr. Murphy or Mr. Siderville. Both like you a lot and are as concerned as I am about you. They would help you and would help me to help you as well."

"Mr. Gerson, please. I don't want you to tell anyone. Just between me and you. I wouldn't have told you if it could not be kept a secret."

At first I agreed not to tell anyone. It was good that Charles had at least been able to confide in me. But I wanted backup; I was required by law to obtain it. Teachers must report suicide attempts, both to ensure that the child receives proper mental health treatment (Перевод «получить лечение психического здоровья» не соответствует нормам русского языка) and to protect themselves. (Инфинитив в роли обстоятельства цели: «и чтобы подстраховаться самим» и т.п.) If, God forbid, (Перевод «Прости, господи» не является верным) Charles had subsequently harmed himself and a friend of his then said, "Mr. Gerson knew that Charles was thinking about it, and Mr. Gerson didn't tell anybody" well, the ensuing nightmare is apparent enough. When I first heard this rule, I thought it was rather cold but I then realized that it was, in our litigious climate, (Имеется в виду не «суровый климат», а привычка американцев решать многие проблемы в суде; можно сказать «при нашей склонности к сутяжничеству» и т.п.) essential and would not harm any child.

"Charles," I said, "I would greatly appreciate you letting me talk to Mr. Siderville and Mr. Murphy. I will swear them to secrecy, (Переводы «Клянусь, что они умеют хранить тайну»/»Клянусь, что я сохранию тайну» являются смысловыми искажениями. М. Герсон пообещал Чарльзу взять обещание с названных педагогов хранить тайну) and we won't do a thing without telling you."

"No, Mr. Gerson," he demanded, "Like I said before, I don't want you to tell anyone."

"Charles, look now (Перевод «Чарльз, смотри теперь» является буквальным и неуклюжим). You trusted me to help you, and I want to do just that. Now let me. Mr. Siderville and Mr. Murphy can help you get counseling, permanent counseling, even lasting through the summer. Of course, you will be able to see me and talk to me whenever you want. You have my home number, (Здесь имеется в виду домашний номер телефона, а не номер дома. Предложение «У тебя есть мой номер дома и я призываю тебя продолжать им пользоваться» является абсурдным и ведет к дисквалификации работы.) and I encourage you to keep using it. But I won't be around all the time and I may be unreachable by phone for a couple of days for some reason during the summer. You trusted me to help you, and you have to let me do what I know is best. "

Charles reluctantly assented, and I told Paul Murphy. (Имя должно изменяться по падежам, а фамилия -- нет) I had told Nathan Siderville (Имя и фамилия должны изменяться по падежам) the day before, without Charles's permission. I had few qualms about breaking my word with Charles because I trusted Nathan Siderville completely. (Предложение означает, что М.Г. не испытывал угрызения совести из-за нарушения слова, данного Чарльзу. Все другие интерпретации данного предложения являются смысловыми искажениями.) He was a kind, compassionate, and competent man who would know how to help Charles – and how to help me help Charles. As I expected, Nathan told me to keep on seeing Charles and to come to him for advice whenever I wanted. What Charles told me would remain (Обозначается будущее действие) in confidence until the boy was ready to speak to someone else. At that point we would refer Charles to a counselor (Это не свершившийся факт, а гипотетическое действие в будущем) (as we had done with Rosalita), and I would continue (Аналогично) to be available to him as well. I gave Charles my phone number (as I had done with Rosalita). I told Nathan Siderville that I had done this, and he said it was fine. Rosalita had never abused having my number, and I did not think Charles would, either. I was right. We spoke several times over the Christmas break, and Charles agreed to see a counselor (Переводы «адвокат»/«вожатый» свидетельствуют об отсутствии осмысления написанного) when school resumed in January.

КОММЕНТАРИИ ЖЮРИ

В силу того, что все представленные работы являются результатом машинного перевода, проверялся и оценивался перевод тех синтаксических структур, глагольных форм, форм местоимения второго лица и идиоматических выражений, к которым нечувствительны онлайн переводчики. Также учитывались смысловые ошибки и неоправданные вольности перевода, допускаемые при попытках редактирования машинного перевода, выбор значений отдельных лексем в соответствии с контекстом, уровень лингвострановедческих знаний и признаки отсутствия осмысления полученного русского текста. Работы, содержащие абсурдные предложения, дисквалифицируются.

В комментарии отражена только малая часть тех ошибок, неточностей и нелепостей, которыми изобилуют представленные переводы данного отрывка. Однако комментарий дает достаточное представление о низком уровне переводов, не позволяющем наградить их авторов сертификатом участника конкурса на лучший перевод прозы. Ни один из представленных переводов не мог бы быть использован при публикации книги, будь она переведена на русский язык.

Оргкомитет и Жюри готовы рассмотреть обращения индивидуальных участников за разъяснениями при условии, что в их работе: а) полностью отсутствуют признаки машинного перевода; б) правильно переведены *все* предложения с усилительными конструкциями, с модальными глаголами, с сослагательным наклонением, *все* случаи употребления местоимения YOU, а также *все* идиомы; в) не допущены смысловые искажения и неоправданные отступления от оригинала; г) во всех случаях выбор конкретного значения многозначного слова обусловлен контекстом как на уровне одного предложения, так и всего отрывка; д) демонстрируется высокий уровень лингвострановедческой компетенции; е) последовательно употребляется орфографически и стилистически выверенный литературный русский язык.

Исходя из этих критериев, все представленные работы получают очень низкие оценки, не позволяющие выдать их авторам сертификаты участников конкурса.

Miss Read «Emily Davis»

Billy remained an only child, and a highly **satisfactory** (перевод "и это ему вполне удовлетворяло" свидетельствует об отсутствии знания англ. грамматики и плохом владении русским языком; перевод "и весьма удовлетворительным" буквальный и неуклюжий) one. He was almost thirteen **when his father returned from the war** (только эта часть предложения касается отца Билли; он НЕ работал в школе; наделение неличной формы глагола функцией глагола-сказуемого свидетельствует об отсутствии базовых знаний по грамматике англ. яз. и дисквалифицирует работу; перевод «вернулся с фронта» подошел бы, если бы он служил в наземных войсках; фактически же, он вернулся из плена) and working well at **the grammar school** ("грамматическая школа" – правильный перевод). He had found the transition from the little school at Springbourne to the large boys' school somewhat unnerving, **but by the time his father came back he had settled down and was enjoying the work.**(должна быть правильно отражена последовательность событий; переводы «остепенился/»обустроился» неправильные, т.к. он и до того не буйствовал, а также не проживал в школе) **Eventually** (перевод " в конце концов " здесь неправильный, т.к. это выражение означает достижение цели после многих попыток), he gained a place at Cambridge, obtained a good class Honours degree («красный диплом» – явление советское и не приложимо к британской действительности), and became a mining engineer. His work took him all over the world, but at the time of Emily Davis's death **he was in Scotland** (перевод

"вновь обретался в Шотландии" свидетельствует о непонимании последовательности работы над проектами или является необоснованной вольностью переводчика) with his wife and two children. His assignment there was for approximately two years, and the **Doves** (перевод "Голуби" дисквалифицирует работу) had rented a house for that time. The job was an interesting one. On the site of a long disused coal mine, other mineral deposits had been discovered, but at a depth and angle which made them difficult to work. **It was Billy Dove's job to overcome the problem.** (предложение содержит усилительную конструкцию: «работа Билли в том и заключалась...»)

He had been chosen expressly for it by his firm because he had done so well on a similar project for the Italian government. On the slopes of Mount Etna in Sicily, certain minerals had been discovered in the volcanic rock which were of great interest to the chemical industry. Billy found the work arduous but fascinating. **He was at work there for six weeks, and there was a possibility of returning for a further month when the drilling had reached the second stage.**(передвижение Били в связи с проектами: Сицилия (шесть недель, НЕ месяцев; для русского языка более типично выражение «полтора месяца») -- Шотландия – и возможность новой месячной поездки НА Сицилию) It was a prospect which he viewed with mixed feelings. For, to his mingled delight and guilt, sensible, **steady** (перевод «взвешенный» не верен, т.к. это прилагательное не может характеризовать человека) Billy Dove, devoted husband and father, regular church-goer and wise counsellor to those asking his advice, had fallen head over heels in love with a girl **in Sicily**. Her name was **Mary**.(девушка не была ИЗ Сицилии, она была 30-летней англичанкой; перевод ее имени как Мария ничем не обоснован; употребление таких вариантов имени, как Мари, мери, Мери в одной работе является неоспоримым свидетельством машинного перевода и дисквалифицирует работу).

[...] In the days that followed, Billy felt himself the battleground of conflicting emotions, and very exhausting he found it. He had been a fairly uncomplicated character for almost forty years, distrusting violent emotion, and impatient with those who seemed to have no control of their feelings. He had met many **"philanderers"** (перевод «предательств» является искажением смысла) in his travels, and had a hearty dislike of them. Those who boasted of their conquests he found doubly boring. They did not impress Billy Dove. "Time you grew up," he **would tell** them (глагольный комплекс обозначает повторяющееся действие в прошлом; это не форма сослаг. наклонения), yawning, and walk away.

And here he was, behaving in exactly the same way. The guilt he felt when he thought of his disloyalty to Sarah and the boys was overwhelming, but only momentarily so. It was swept away by this new wave of fierce, **youthful**, (перевод "детского" в данном контексте является абсурдным) exulting happiness. Before its onslaught he was powerless.

Mary's passion matched his own. It was as though, with so little time before them, their love had an added urgency. They spent every possible hour together, turning their minds away from the inexorable advance of the day of Billy's departure, like children who hide their eyes from a wounding light. The town of Taormina, and **the golden girl**,("золотая девочка\девчушка" – недопустимый перевод, т. к. 40-летний Билли не мог иметь роман с несовершеннолетней; см. его характеристику выше) **were heartrendingly beautiful** (повторяющийся в десятках работ перевод "были душераздирающе прекрасны"свидетельствует об очень плохом владении языком перевода, т.е. русским; а также является неоспоримым признаком машинного перевода) when that last day came. "You'll come back? Say you'll come back!" pleaded Mary, clinging to him. "You know I can't promise that," said Billy. She knew about Sarah and their two children, and he had been careful not to raise her hopes by telling her of the possibility of further work on the site. Cruel though it seemed, they must make **the break**.(не "перерыв", а окончательный разрыв)

[...] But the decision to make a clean break with Mary was seriously undermined when a letter arrived from his firm asking him to return to the Sicilian **site** (не «стройплощадка») for the second stage of the work. What did he feel? What did he feel, echoed Billy! He put the letter **to**

the side of his breakfast plate, (рядом с тарелкой) and gazed out at the wooded Scottish hillside. In the garden John and Michael raced round and round pursued by a floppy-eared puppy. («вислоухий щенок», присутствующий в десятках работ, является неоспоримым признаком машинного перевода; щенок бегал за мальчиками, а не наоборот) There were (Не «там были», а, например, «Вот его чудесные мальчики/сыновья») his two fine boys, full of roaring (не "ревуших") high spirits. He must do nothing to hurt them. He looked across the table to Sarah, immersed in The Caxley Chronicle (это газета, а не "книга"/«журнал»/"бумага" и не «газетёнка»; кроме того, она не местная, т.к. пришла из Англии в Шотландию) which had arrived with the morning letters. She looked very young and defenceless, despite her thirty-odd years, in her blue and white cotton frock. ("неологизм" "голубобелое платье" свидетельствует об очень низком уровне владения русским языком) A little frown of concentration furrowed her smooth brow.(гладкий лоб, не «бровь») "There's an Emily Davis in the "Deaths","(порусски это все-таки "Некрологи") she remarked. "Could it be your old teacher?"(сослаг. наклонение: «Это не могла бы быть...») "I should have thought she'd died years ago," remarked Billy absently, his mind on his problem. "Well, she was eighty-four," said Sarah, her eyes still fixed on the paper (не «на бумаге»). "Died at Beech Green.(перевод "умер в Б-Г" /"погибла в Б-Г" дисквалифицирует работу; перевод "умерла на Б-Г" свидетельствует о неумении учитывать контекст: Beech – это не "пляж", а его омофон "береза") Might well be, (сослаг. наклонение: «вполне могла бы быть она...») don't you think?"(употребление формы "вы" в этом предложении дисквалифицирует работу)

She looked up (перевод «она посмотрела вверх» означает, что она посмотрела на потолок). Billy was standing at the window, gazing into the garden. (устремив глаза в/глядя в, но не "рассматривая") It was apparent that he had not heard her remarks. She was accustomed to his complete withdrawal (допустима "отрешенность", но не "отрешение"; также не подходит перевод «витать в облаках», что означает «мечтать») from the world around him when his mind was perplexed, and was not unduly upset.

"Heavens, it's late!" ("поздно" обычно относится к вечернему/ночному времени; Heavens не переводится как «Черт!»; «Сколько время!» – безграмотный перевод, дисквалифицирующий работу) she cried ("проплакала"– абсурдный перевод, дисквалифицирующий работу). She ran to the open window and called to the boys. Billy shook his head ("покачал головой"— неправильный перевод в данном контексте), as though he had just emerged from deep water. He put his arms round her swiftly and kissed her with sudden fierceness (переводы "с внезапной яростью/свирепостью/напором/напористостью" не подходят, т.к. нарушают нормы сочетаемости слов и свидетельствуют о неадекватном владении языком перевода). Sarah laughed. "Don't dally, darling," she said, "or the boys will be late for school."

Within two minutes, the three were in the Land- Rover waving goodbye (перевод "помахивая" свидетельствует об очень низком уровне владения русским языком, т.к. помахивать можно хвостом или гривой) to Sarah at the window.

The village school stood back from the road with a wide green verge (это не "зеленая изгородь") before it. As Billy drew up, the bell was clanging (колокола звонят) from the little bell-tower, and the children were already forming lines ready to lead in. The two boys (перевод "Два мальчика" неправильный, т.к. создает представление о каких-то других мальчиках. Правильный перевод "оба") gave him hasty wet (перевод "неприятно влажные поцелуи" довольно неприятен) kisses, scrambled down ("спустились/сползли" не требует добавления "вниз"), and raced to join their fellows. The schoolmaster was a stickler for punctuality. He waited to see them take their places in the lines. John turned towards him and gave an enormous wink of triumph (буквальный перевод «триумфально подмигнул» не соответствует ситуации), as if to say: 'Done it!', just as the lanky form of the headmaster (перевод «долговязая фигура директора», повторяющийся в десятках

работ, неоспоримо свидетельствует об использовании машинного перевода) appeared at the school door.

Amused, Billy drove off slowly. **There was a lot to be said for a village school education** (идиоматическое выражение, означающее, что в обучении в деревенской школе было много преимуществ/свои прелести и т.п.) when one was eight, robust and cheerful (не «воодушевленный»).

He had been eight, he remembered sharply, when he was at Beech Green Village School.(перевод "Ему было 8 лет, когда он пошел в школу" свидетельствует об отсутствии лингвострановедческих знаний: дети в Великобритании идут в школу в 5 лет) But, though he may have been robust, he had been far from cheerful at that time because his seaman father was presumed killed. What would he have done without Emily Davis just then? And she was dead? Is that what Sarah said this morning? Eighty-four, and at Beech Green? That would be Emily Davis, without doubt. **He sighed deeply. She was a grand old girl!** (переводы «великая девочка/девушка/старушка/старуха/дама/она была велика и молода даже в старости» абсурдны, т.к. это идиоматическое выражение. «Каким прекрасным человеком она была!»/ «Какая была замечательная женщина!» и т.п.) His thoughts strayed to another phase of his school life when, **as a bewildered eleven-year-old, Emily Davis had come, once more, to the rescue.**(перевод:"Бучи растерянным 11-летним мальчиком/юношей/11-летней девочкой, Э.Д. пришла ему на помощь" является абсурдным и дисквалифицирует работу)

The transition from **the tiny world** (мирок) of Springbourne to the comparatively large one of Caxley upset the boy more than he would admit. Instead of racing **the few yards** (перевод «пара ярдов» делает расстояние между домом Билли и школой менее 2 м; также неверен перевод «через несколько дворов») along the village street from his home to the school, he now had to rise much earlier and catch a bus into the town. His comfortable hand-knitted jerseys and flannel shorts, now gave way to **a grey flannel suit with long trousers.**(перевод «брючный костюм» неуместен, т.к. противопоставляется костюму, в состав которого входит юбка, т.е. женскому) Black laced shoes, **polished overnight** (перевод «отполированные ЗА ночь» абсурден; также абсурден перевод «сандалии превратились в ботинки»), took the place of easy well-worn sandals, and on his head he wore **the familiar** (возможен перевод «всем знакомую/форменную») Caxley Grammar school cap, with much pride, but some irritation – for wasn't it just one more thing to take care of, and to remember to bring home at night? At times, young Billy felt burdened with all these belongings. **They weighed as heavily upon him** (перевод «все эти вещи лежали на плечах Билли тяжким грузом» производит комический эффект; определено фуражка, длинные брюки и ботинки не лежали у него на плечах) **as the shining new leather satchel** (перевод «они весили столько же, сколько и блестящий/сияющий новый ранец» также абсурден, т.к. речь не идет о физическом весе) which bumped against his hip as he walked. He was bewildered too by the sheer size of his new school and by the hundreds of boys. When you have been one of forty or fifty children at school assembly, and one among only twenty or so in the classroom, it is unnerving to be cast among four hundred-odd boys, all larger than oneself. To Billy, some of the **prefects** (перевод «перфект» абсурден и дисквалифицирует работу) were men. Certainly, some of them looked quite as mature as some of the **young masters.** (это значит «молодые учителя»; переводы «господа/магистры/мастера» в данном контексте являются абсурдными и дисквалифицируют работу) They filled the boy with awe with their **tasselled caps** (*шапочки с кисточками*), their gruff voices and their sheer size when they passed him in the corridors. The standard of work, too, presented a problem. At Springbourne School he **had held his own** (идиома, обозначающая адекватность человека предъявляемым к нему требованиям, т.е. "он справлялся/успевал") with little effort. Now he was among boys brighter than himself. There were new subjects to tackle, such as French, Latin and Algebra. At times, sitting at the **cottage** (не обозначает дачу, это небольшой, часто одноэтажный дом; здесь может не переводиться или быть

переведено «дома») table, with his homework **books** (это слово относится как к книгам, так и тетрадям; здесь это скорее тетради) spread out in the light of the Aladdin lamp, he came near to despair. Would his mind ever be able to hold all this mass of new knowledge?

But it was the affair of the conkers **which brought all his troubles to a head**. (выражение не означает «поставить точку», скорее – довести до точки кипения\сделать совсем невыносимым и т.п.) Billy had always **loved the glossy beauties** (перевод «любил блестящих красавцев/красавиц» придает каштанам одушевленность) which tumbled from the Springbourne trees in the autumn **gales**. (слово «шторм» ассоциируется с морем) **He collected them with the eye of a connoisseur**. (буквальный перевод «собирал их глазом знатока» абсурден) and Billy Dove was recognised by the other boys as a champion in **the conker-playing**

(это не игра в кегли) field. He was delighted to find a stout **horse-chestnut tree** (перевод «лошадиный каштан» абсурден и дисквалифицирует работу; то же относится к называнию плодов каштана "шишками") on the way from Caxley station to the school, and **he filled his new jacket pockets with some splendid specimens**. (слово **some** не может здесь переводиться как «несколько», т.к. это не сочетается с глаголом «набил»; перевод "набил штаны каштанами" абсурден и дисквалифицирует работу) At **playtime** (which he tried, in vain, to remember to call 'break' now) (переводы «игра/перемена/перерыв» не подходят; это значит «время для игр/игровое время», что может быть противопоставлено как «перерыву», так и «перемене», которые означают одно и то же; транслитерация "брейк" проблемы не решает) he turned out his collection on the grass of the school field and, squatting down, began to sort them out for size. At that moment, **a shadow fell across him** (перевод «над ним пронеслась тень» является абсурдным), and looking up he saw one of the prefects who was on duty.

"Whose are these?" said he disparagingly. **"Mine,"** (перевод диалога "Чьё это?" "Мои"/"Мой" абсурден и дисквалифицирует работу) said Billy, blinking against the sunlight. "Stand up when you talk to me." Billy obeyed briskly. "What are these for?" continued the **lofty** one. (прилагательное относится к тону, а не к росту старшеклассника)

"To play with." "To play with", mimicked the older boy. "You'd better learn pretty smartly that we don't play kids' games like conkers here. Chuck them away." "But why-?" began, Billy rebelliously.

"Don't argue. Throw them in **the dustbin**. And pronto!" **"Can't I take them home?"** (перевод **вопросительно-отрицательного предложения должен начинаться с «А разве нельзя/я не могу...»**) The prefect took hold of Billy's left ear, and twisted it **neatly**. (не «аккуратно, а «умело/ловко») "You talk too much, young feller. Do as you're told or I'll report you (перевод «дошло на тебя» не является литературным). And pick up every one. Understood? If they get in the school mower **old Taffy'll** (перевод «старушка Тэффи» не верен) murder you." Furious at heart, Billy collected the shining conkers, grieving over the satin skins so soon to wither in **the dustbin**. The prefect accompanied Billy to **the dustbin** (перевод этого слова должен быть единообразным, т.к. в оригинале используется одно и то же слово) and watched him deposit his treasures.

This happened on a Friday. He returned home, moody and **pale-faced** (перевод «бледнолицый» производит комический эффект, не предполагаемый в этой ситуации), his satchel heavier than ever with weekend homework, and his heart heavier still. His mother was wise enough to refrain from questioning, but she watched anxiously as the boy fiddled about with his **exercise books** (тетради) at the table, obviously unable to concentrate. He slammed them together (перевод «с грохотом захлопнул их» абсурден и комичен) eventually, and spent the rest of the evening **slumped** (не «развалившись», т.к. не соответствует подавленному настроению Билли, о чем и свидетельствует выбор глагола писательницей) in a chair with a library book. There was still a good deal of work to be done, his mother knew. Usually, Billy tried to get the major part of it polished off before the weekend began, but it was plain that he was in no mood to tackle it tonight.

He was little better next morning, (это означает, что его состояние практически не изменилось; «немного лучше» соответствует фразе «a little better») and his mother sent him to the village shop («в деревенский магазин», а не «в магазин в деревню», т.к. они в этой же деревне и жили) for some goods (перевод «за товарами» неуместен, т.к. Билли не был ни купцом, ни закупщиком). It was there that he met Miss Davis, (усилительная конструкция) also armed with a basket. Her quick glance noted the heavy eyes and unusually sulky mouth. "How's school?" she asked amiably. "All right," said Billy perfunctorily. "Lots of prep?" "Too much. Much too much." Billy sighed. Miss Davis felt a pang of pity. "Have you got time to help me saw some logs (перевод «бревен» не подходит, как это следует из описания дальнейших событий) this afternoon?" Billy's face brightened. "Yes. I'd like to. What time?" "Any time after two. Ask your mother if she can spare you for a couple of hours. (перевод «может ли мама уделить тебе пару часов» абсурден и дисквалифицирует работу; предложная фраза for a couple of hours означает «на пару часов»). I'd be glad of a hand." She packed her basket neatly, smiled at Billy, and departed. Cheered at the prospect of some physical activity, Billy set about his shopping in better spirits. Clad in his comfortable old jersey (не «майка», т.к. была осень и не «тряпье») and shorts, Billy reported for work at a quarter past two. Emily was already hard at it, at the end of the garden, saw in hand. "My poor old apple tree," (перевод "яблочное дерево" абсурден) she told him, pointing the saw at the fallen monster. "It's (местоимение "он" по отношению к яблоне дисквалифицирует работу) been rocking for two or three years, and last week's gale («буря», а не «шторм») heeled it over." ("свалила", а не «накренила") "We'll never get through the trunk with these saws," (часто повторяющийся перевод «пробиться через ствол этими пилами» – бессмысленная фраза из машинного перевода, дисквалифицирующая работы) observed Billy. "No need to. It's just the branches we'll have to do. A man's (перевод существительного man с неопределенным артиклем как «муж» является абсурдным и дисквалифицирует работу; кроме того, МИСС Дэвис не была замужем) coping with the main part next weekend." They applied themselves zealously to the smaller branches. (из этих веток не могли получиться «бревна») Billy found the work wonderfully exhilarating. The smell of the sawn wood was refreshing, and a light breeze kept him cool. He enjoyed stacking the logs (11-летний мальчик не мог укладывать «бревна» "штабелями") in Emily's tumble-down shed, and made a tidy job of it. The rough bark, grey-green with lichen (не «лишай» и не «мох»), was pleasant to handle, and his spirits rose as the stack (не «куча»/»груда», которые означают беспорядочное нагромождение предметов, в то время как Билли укладывал поленья аккуратно) grew higher and higher. "It will probably be enough for the whole winter," he said, sniffing happily. (переводы «фыркал/сопел» не верны; он с удовольствием вдыхал воздух, насыщенный ароматом свежеспиленного дерева в замкнутом пространстве сарайчика; приписывание этих слов Билли (и фыркания) его учительнице является свидетельством крайней небрежности и ведет к дисквалификации работы) Emily straightened up (не «вытянулась») and, hands on hips, looked at their handiwork with satisfaction. "Easily, Billy." (реплика выражает согласие с мнением Билли и не может переводиться как «Полегче, Билли!» Есть выражение «Take it easy», т.е. с прилагательным)

She gave a swift glance at the boy, now flushed and panting with his exertions. (не «задыхающийся»; упоминание капель пота на лице мальчика является вольностью переводчика) "Have you had enough, or shall we finish the job?" "Let's finish," (перевод "Давай закончим" недопустим в данном контексте и дисквалифицирует работу) said Billy decidedly. They worked on in companionable silence. Sawdust blew across the grass (перевод с глаголом совершенного вида, т.е. «разлетелись» еще до того, как возникли, делает предложение абсурдным, равно как и переводы слова Sawdust как «стружки» или «щепки/пыль»), as the saws bit rhythmically through the branches. (пилы не перерубают ветки) By half past four (к 16:30) the job was done, and only the twigs («мелкие

веточки», не «хворост») and chips remained to be collected into a box for kindling wood. "I've got two blisters!" laughed Emily, holding out her hands. "I haven't," (перевод реплики Билли: «А я нет!» в ответ на реплику Эмили «У меня две мозоли» является абсурдным и дисквалифицирует работу) said Billy proudly, surveying his own grimy hands. "We deserve some tea," said his old headmistress, leading the way to the house.

It was over home-made fruit cake and steaming cups of tea that Billy told his tale (предложение содержит усилительную конструкцию; перевод «вприкуску с пирогом» производит комическое впечатление; не подходит также перевод «кусочек пирога», т.к. речь идет об 11-летнем мальчике, физически проработавшем на свежем воздухе более двух часов). He had never felt any shyness in Emily's presence, and their shared labours that afternoon made it easier for him to speak, as Emily had intended. There was little need for her to probe. The boy was glad to find someone to talk to, and the new problems came tumbling out. They were not new, of course, to Emily Davis. She had seen many children in the same predicament. There were very few, in fact, who went on to the large Caxley schools from Springbourne, who did not find the journey, the pace of work and the numbers surrounding them, as daunting as young Billy did. (в предложении говорится о типичности Билли, а не о противопоставлении его большинству бывших учеников его начальной школы) And then came the sorry tale of the conkers. If Billy had expected sympathy, he was to be surprised. Emily took the account of his discomfiture with brisk matter-of-factness. "If "no conkers" is a school rule – although I doubt it – you must just abide by it. Nothing to stop you enjoying a game at home, anyway. And as for that prefect, well, you'll find people like that everywhere, and he was only trying to do his duty, poor young man." "Poor young man", indeed, thought Billy resentfully! But he had the sense to remain silent. Emily refilled his tea-cup and went on to talk, as though at random, (не «наугад») of the difficulties of adjusting oneself to new situations. Billy was soon aware that he was not the only person to have suffered growing pains. (который переживал трудности взросления) It was true, as Miss Davis said, that one's world grew bigger every so often. It was an ordeal to leave home for one's first school (5-летние дети не уезжали из дома); it was a bigger one to change to a larger school, as he had just done. "And then you'll plunge into a deeper pool still, if you go to a university", said Emily, "and probably nearly drown when you dive into the world of work after that! But you'll survive, Billy, you'll see, and be able to help a great many other young people who are busy jumping from one pool (переводы «бассейн/лужа» не могут быть приемлемы) to the next and floundering (это означает, что они теряют почву/опору/дно под ногами) now and again!"

It was all said so light-heartedly that it was not until many years later that Billy realised how skilfully the lesson had been imparted. At the time, he was only conscious of comfort and the resurgence of his natural high spirits, and put both down to energetic sawing in the open air, and Emily's excellent fruit cake. At the gate, Billy turned and surveyed the old familiar playground next door. "I wish I were back", (сослаг. наклонение: Как бы я хотел/Жаль, что нельзя вернуться) he said impulsively. Emily shook her head, smiling. "You don't really. You're much too big a fish for that little pond now, and I think you are beginning to know it."

She looked at Billy thoughtfully. "What was the name of that prefect?" Billy told (не «рассказал») her. She was silent for a minute, and then seemed to come to a decision. (принять решение/прийти к решению) 'I'm going to tell you something which you must keep to yourself, but I think you can do it, and I think it will help you.' "I can keep a secret", promised Billy "That boy went from Fairacre School to Caxley. (ученик перешел из маленькой деревенской школы в большую городскую, но не переехал в город, пока вся его семья не переехала) The family moved later, but this is what I want you to know. Miss Clare told me that he was so upset in his first term that his parents thought he might have to leave. From what you tell me, he seems to be keeping afloat in his bigger pond now." "He's unsinkable!" commented Billy ruefully. "Well, think about it. I've only told you because I believe it might help you to understand people (употребление формы « вы » в речи

учительницы, обращенной к ребенку, абсурдно, свидетельствует о том, что машинный перевод даже не был вычитан и дисквалифицирует работу). But not a word to anyone, Billy.” ”Not a word”, he echoed solemnly, and ran home with half a crown as wages (если перевести оплату в шиллинги, то это 2,5 ш-га, а не 1,5; «жалованье» не является правильным переводом, т.к. это не была постоянная оплата; кроме того, именно слово wages употребляется для обозначения платы за физический труд») in his hand, and new-found hope in his heart.

Wisps of white mist were drifting in from the sea as Billy Dove drove his Land-Rover over the rutted site to his office. The sun was almost blotted out now, faintly discernible now and again, riding moon-like through the ragged clouds. (это было еще утро и перевод «солнце уже почти село/зашло» является абсурдным) Billy hated this sea-mist, which local people called “the haar” (копирование слова по-английски неуместно; удачными переводами являются «хмарь» и «мга»), which swept in unpredictably and wrapped the countryside (в переводе “сельская местность” прилагательное является избыточным) in icy veils. He shivered as he entered the small granite house where his office was situated on the ground floor. He was the first to arrive. He took out the letter and read it again. Taormina! And Mary! Gazing into the swirling whiteness outside, he longed to return to the sunshine, (перевод «закаты» не верен) the flowers, the cypress trees – and, above all, to the warmth and love of Mary. It would be so easy to return, and have a week or two of utter happiness in the sun. God, it was tempting! He stood up suddenly, hands in pockets, and went to the window. Coins jingled (“позвякивали” и, конечно же, Билли не “пересчитывал монеты”) as he turned his loose change over and over (не “теребил”, т.к. теребить можно что-то мягкое, податливое) in his nervousness. This was a situation he must face alone. No wise old Miss Davis to turn to now. He gave an impatient snort of derision. What would Emily Davis know, anyway, of a man's feelings? Much use she would be to him with a problem like this. (здесь выражается его скептическое отношение к возможному совету, как это следует из предыдущего предложения) Her advice would come out ready-made, as automatically as a packet from a slot machine. (имеется в виду не игровой автомат, а торговый) “Your duty, my boy, is to your wife and children! The rest is temptation. It is SIN, put before you by the devil himself. (перевод “поставленный перед тобой/ предлагаемый тебе” не соответствует ситуации)” How simple life must have been (предположение, граничащее с уверенностью и относящееся к прошлому) to those old Victorians with their rigid rules of conduct! But how much they must have missed! (предположение, граничащее с уверенностью и относящееся к прошлому) He faced about, turning his back (“повернулся, отвернувшись” – неудачный перевод) upon the blank whiteness now shrouding the hill side in impenetrable clammy fog. Nevertheless, it was the only course to take. He had made up his mind to stay in Scotland as soon as he read the letter. Temptation, the devil, Emily Davis and all the other faintly ridiculous issues which clouded his mind, at the moment, as confusingly as the mist outside, made no difference to his decision. He had made the break with Mary. He would not go back. He smiled as he drew a piece of writing paper (перевод «потянул на себя» не подходит по ситуации) towards him. He would remain in Scotland. The decision was made and, bitter though it was, it was the right one. One thing, Miss Davis would approve. (здесь интересно отметить, что форма сослаг. наклонения относится к непрошедшему времени, т. е. мисс Дэвис по-прежнему остается моральным авторитетом даже и для взрослого Билли; в переводе это невозможно передать, т.к. в русском языке существует только одна форма сослаг. наклонен.)

Перевод победителя в номинации «Лучший перевод художественной прозы с французского на русский язык» Дианы Семеновны Шовгарян (г. Воронеж)

Пьер Гамарра «Школьный учитель»
(стр. 9-22, стр. 261-262)

Симон Серме запомнил тот июньский день 1905 года на всю жизнь. Каждая минута с удивительной ясностью отпечаталась в его памяти. Все сохранилось. От крика петухов с туманного рассвета до грозовой ночи и до восхитительного сна, который наконец овладел им, пока дождь бил по ставням родного дома, – тот чудесный день остался воспоминанием в его сердце, нетронутым, сочным и сладким, подобно плоду на дереве.

Позже, когда кто-то говорил о счастье и надежде, он думал о том дне. Ему вновь представлялись утренняя дорога и знойная дымка над кукурузными полями. Слышался хлест отцовского кнута. И внезапно кровь начинала стучать у него в висках, как тогда, поздно вечером, когда школьный инспектор поднимался на крыльцо местной школы.

Симон стоял рядом с отцом в толпе родителей и учеников, ожидающих объявления результатов. Встревоженный гул наполнял двор. Дети больше не резвились. Решающий момент был все ближе. Вдруг, после короткого «ах», наступила гробовая тишина и из мрачного кабинета, в котором только что совещались члены комиссии, вышел инспектор в белом пиджаке и жилете. Широким жестом он положил котелок на стол. Список дрожал в его правой руке. В тишине был слышен лишь едва уловимый шорох бумаги. Инспектор читал список сквозь свой лорнет, поглаживая густую темную бороду левой рукой.

Упало несколько крупных капель, и инспектор шагнул назад. Ребята и родители затаили дыхание. Инспектор снова вышел на крыльцо. Теперь он держал судьбоносный список двумя руками. <...>

Под ногами присутствующих захрустела галька. Послышались шепот и нервный смех. Инспектор сверкнул лорнетом в сторону, откуда доносились разговоры. Вновь повисла тишина. <...> Симон услышал, как шуршал лист в руках инспектора. Вдруг его охватил мучительный страх. Перед глазами запрыгали буквы, а в ушах зазвенел голос г-на Бертранду, обеспокоенный и строгий. <...> Симон Серме заметил, что инспектор наконец собирался начать чтение. Он в последний раз погладил голову, оттянул свой целлулоидный воротничок указательным пальцем и откашлялся, прочищая горло.

Симон взял руку отца и нервно сжал ее. Серме повернул голову к сыну, улыбнулся ему и прошептал на местном диалекте: «Не бойся!»

Инспектор поправил лорнет и начал: «Протокол заседания экзаменационной комиссии по приему экзамена на свидетельство о начальном образовании в кантоне Сент-Эли, сессия...».

Еще несколько капель сорвалось с неба, и первое дыхание бури всколыхнуло листву. Собравшиеся вздохнули с облегчением, и невозможно было сказать, что именно вызвало такую реакцию: наступление прохладной погоды или близость оглашения результатов. Инспектор поднял голову и сурово оглядел присутствующих. Экзаменаторы с почтительным видом стояли за его спиной. В полумраке кабинета смутно виднелись бороды и усы.

«Серме Симон, первый в кантоне...» – громко объявил инспектор.

По толпе опять прошел гул, рука Симона сильно задрожала. Но страх ушел, на его место пришло счастье. Ему казалось, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди от радости. Капли дождя ласкали ему лицо. Все было прекрасно: розовые кирпичи школы, маленькие цветки акации, пасмурное небо. Голос инспектора, продолжавшего читать, – но Симон не мог понять ни слова, – казался ему самым прекрасным звуком на свете.

Отец наклонился к сыну. Серме был крепким, широкоплечим и коротконогим мужчиной с добрым, спокойным лицом, украшенным густыми седыми усами. На нем

была новенькая черная блуза, выбранная специально для такого события.

Симон заметил две слезинки, блеснувшие в уголках глаз его отца. Они скатились к усам, и Серме зажевал губами, покачивая головой. Затем он взял ребенка на руки и крепко обнял. Он выпрямился и с гордостью оглянулся. Он машинально поправил блузу левой рукой, правой продолжая держать своего сына, своего Симона, которого назвали самым первым.

Школьник был серьезен и неподвижен, глаза его блестели. Он пытался слушать инспектора. Но толпа все больше шумела. То тут, то там раздавались радостные возгласы. Не дойдя до конца списка, инспектор был вынужден снова поднять взгляд и щелкнуть языком, призывая к тишине.

Дождь не прекращался. Раздались первые раскаты грома, когда инспектор объявлял последние фамилии: Тор Морис, Трюффье Леон, Урбен Жан, Видадь Луи, Видаленк Антуан...

Инспектор свернул список и исчез в темноте кабинета. Теперь толпа загудела без страха. Дети побежали друг к другу на встречу, весело толкаясь. Родители обменивались фразами на местном диалекте. Сельские учителя присоединялись к поздравлениям. Все медленно пробирались к выходу. Ребята, получившие отказ, плакали в сторонке.

Г-н Берtrandу подошел к Симону и его отцу. Мальчик улыбнулся ему. Учитель положил руку ему на плечо и серьезно произнес:

– Молодец, Симон, это большая гордость для нас.

– Я так рад, господин Берtrandу! – воскликнул Серме, подкручивая ус. – Кто бы мог подумать! Первый в кантоне! Ах! Они вам многим обязаны, эти дети...

– В этом году у нас трое таких, – сказал г-н Берtrandу. – Все три заявленных ученика прошли, один к тому же оказался первым в кантоне.

Он повернулся к мальчишке.

– У тебя, Симон, еще и большое преимущество. Пойдем, инспектор хочет пожать тебе руку.

Симон побледнел, но учитель уже вел его к крыльцу школы. Они подошли ко входу в кабинет, когда в дверях показалась густая борода инспектора. Двор затих, все наблюдали за инспектором, который поздравлял младшего Серме из Фонвьея.

– Очень хорошо, дитя мое, – сказал инспектор. – Ты заслужил это место. Поздравляю тебя и твоего учителя. Теперь ты должен продолжать упорно трудиться. Ты работаешь для себя, для своей семьи и для своей страны, которой нужны образованные, трудолюбивые граждане. Очень хорошо, дитя мое, продолжай в том же духе.

Симон неловко протянул инспектору руку, которую тот с улыбкой пожал. Затем он повернулся к г-ну Берtrandу и поблагодарил его за многолетнюю работу в школах страны и горячую веру в образование. Учитель поклонился и улыбнулся, нервно подергивая свою седую бородку. Его коллеги, собравшиеся вокруг инспектора, кивали ему в ответ.

– Спасибо, господин Инспектор, спасибо, – благодарил г-н Берtrandу. – Я всего лишь выполняю свой долг. Я очень рад за малыша Симона. <...>

Инспектор отошел попрощаться с экзаменаторами.

Серме наблюдал за происходящим с верхней ступеньки. Он взял сына за руку и медленно зашагал в сторону выхода, не переставая подкручивать ус. Он знал, что оказался в центре внимания, и повторял про себя: «Да, я, Серме, родом из деревни Фонвьея, отец Симона Серме, лучшего в кантоне, которого лично поздравил инспектор. Я, простой земледелец, отец вот этого мальчишки: метр с кепкой, зато, оказывается, какоймышленый...». <...>

Серме вместе с г-ном Берtrandу направлялся к трактиру. Блуза мужчины раздувалась на ветру, отчего он казался особенно низким и коренастым. Учитель семенил за ним, слегка согнувшись и вытянув вперед свою козлиную бородку. Симон и двое других учеников из Фонвьея шли позади них, оживленно болтая.

– Ну что ж, – сказал Серме, – вы посидите с ребятами, господин Берtrandу, я пока

найду кобылу. Не помешало бы немного освежиться, после всех этих новостей.

– Минутку, – ответил учитель. – Мне не нравится этот ветер. Мы можем попасть под дождь. <...>

Они расселись за длинным деревянным столом, и Серме заказал напитки: четыре бутылки пива и четыре – лимонада. Все потеснились, высвобождая место в центре стола для г-на Берtrandу.

Старый учитель, несмотря на заметную усталость, довольно улыбался. Он оперся на шершавую поверхность стола и глубоко вздохнул. Котелок лежал у него на коленях.

Все смотрели на него с уважением. Его знали во многих деревнях близ Фонвья и ставили в пример. Ах! Учитель Берtrandу из Фонвья – настоящий мастер своего дела! Всю жизнь проработал в деревне, научил столько людей! Первый настоящий учитель в наших краях. А как он умен, просто удивительно! Он знает всю историю нашей страны с древнейших времен: рассказывает о галлах, римлянах и об арабском нашествии, о крепостях, войнах и революциях. Знает названия всех камней, как течет вода и дуют ветры. Но он не просто знает это, как знают многие старики, а все понимает и способен объяснить другим. Прирожденный учитель, да, строгий с детьми, но это для их же блага. И он терпелив: несмотря ни на что, готов повторять объяснения и по десять, и по двадцать раз, как детям, так и взрослым.

Бегая по своим делам по деревням и селам, он задерживался в каждом доме. Все хотели выпить с ним чаю и поговорить о детях и о жизни. Даже старики в его присутствии становились застенчивыми, как в школьные годы. Они вспоминали истории из своей юности, и глаза отца Берtrandу озорно блестели в гнездах морщин... <...>

Многие годы люди из Фонвья и других деревень обращались к нему за помощью в написании письма или договора. В конце обсуждения сложного вопроса часто можно было услышать фразу: «Нужно спросить у господина Берtrandу, если кто и знает, так это он».

В школе или в трактире, на фермерской кухне или в ратуше, где он занимал должность секретаря, г-н Берtrandу оставался учителем, наставником и использовал каждую возможность обучать других. Он любил рассказывать о Революции 89-го года, первой, Великой, той, которая связана со взятием Бастилии и других крепостей, той, которая дала земли крестьянам. Именно с нее началась свобода. Тогда была провозглашена Республика. Конечно, не все проблемы были решены, но по мере того, как люди пополняли свои знания, Республика становилась сильнее. И это было бы невозможно без светской школы. Начав говорить о светской школе, г-н Берtrandу не мог остановиться. «Светская школа, друзья мои, слушайте внимательно, светская школа...». Он начинал рассказывать о Жане Массе, который в 1866 году основал Лигу народного образования и начал борьбу за доступное образование. Ему потребовалось много времени и сил, чтобы добиться принятия важнейших законов. Первым из них стал закон о бесплатном образовании, принятый 17 июня 1881 года. «Запомните эту дату, друзья мои: 17 июня 1881 года...». Затем, благодаря усилиям Жюль Ферри и Поля Бера, в марте 1882 года был принят закон об обязательном образовании. Но не все принимали принцип светскости. Только в октябре 86-го года религиозным людям было запрещено преподавать в государственных школах. Старый учитель вспоминал противостояние двух сенаторов – Жюль Симона и Жюль Ферри – и, наконец, победу великого лаициста, даровавшего Франции два сильнейших двигателя развития: просвещение и колониальное господство. Каждый учебный год, г-н Берtrandу посвящал первый урок нравственности Жюлю Ферри и просил учеников переписать с доски слова клятвы, которую проводник лаицизма произнес в 1870 году: «Из всех проблем нашего времени я выберу одну, на решение которой я отдам все свои знания, всю свою душу, все свое сердце, все свои физические и моральные силы. Это проблема просвещения народа». Затем школьники читали ее вслух под руководством г-на Берtrandу, который взмахом своей указки приказывал делать паузу на запятых. Затем он вставал на край эстрады и с дрожащей указкой в руке

обращался к классу: «Дети, никогда не забывайте имя Жюль Ферри!».

Теперь г-н Берtrandу подходил к концу своей карьеры. Его жена умерла несколько лет назад, и он тяжело переживал эту утрату. Он сохранил ясный ум, но больше не мог говорить так резко и энергично, как раньше. Сюртук висел мешком на его дряблом теле. Желтое лицо учителя было покрыто морщинами, а козлиная бородка больше не блестела. Иногда в тишине класса он склонял голову и закрывал глаза, будто спит. Но он не спал. Было достаточно малейшего шороха или шепота со стороны учеников, чтобы указка учителя вновь задвигалась в его руке.

Мысль о выходе на пенсию была ему противна. Он отдал всю свою жизнь деревенской школе и теперь не мог даже думать о том, чтобы покинуть ее. Дворик под покатой крышей, заросшей мхом, двухкомнатная квартира и класс с побеленными стенами, где стояли длинные ряды парт, за которыми проучилось несколько поколений школьников, – в этих местах проходил каждый его день. Он купил небольшой домик недалеко от Фонвьея, на склоне холма, но по-настоящему любил только свою школу, кусты роз на заднем дворе, полки с книгами в своем небольшом кабинете. Последние годы он практически не двигался. Он больше не бегал по полям к отдаленным фермам. Он все еще выходил разве что на главную площадь, где его можно было увидеть спешащим от школы к ратуше и обратно.

О чем же он думал? Он, пыхтя, поглаживал бородку и потягивал свой панаше, смакуя каждый глоток. Его пронизательный взгляд блуждал по помещению, пока, наконец, не остановился на Симоне. Он кивнул. Его ученик стал первым в кантоне! Он давно этого ждал. Само собой, школа Фонвьея каждый год получала хорошие результаты, и ученики г-на Берtrandу постоянно входили в число лучших, но первое место, самое первое, до этого момента ускользало от него. Конечно, никто его не осуждал, и сам учитель никогда не говорил об этом. Его ученики ежегодно показывали высокие результаты, и это – главное. И все же в те летние вечера мужчина возвращался домой разочарованным.

И вот он получил заслуженное вознаграждение – выпускник Фонвьея, маленький Симон Серме, наконец стал первым в кантоне. Об этом говорили в деревнях и селах. Все из Фонвьея прошли, а один еще и стал лучшим! Фонвьей, знаете, ничем не примечательная коммуна, у подножия холмов Гаронны...

– Ну что, малыш, – крикнул старый хозяин трактира, – не боишься бури?

– О, нет, – с любопытством в голосе произнес ребенок, краснея.

– Сегодня ему не стоит ничего бояться, – добавила какая-то женщина, наклоняясь, чтобы поцеловать его. – Подумайте только, как им будет гордиться его мать!

– Это важный день, друзья мои, – пробормотал г-н Берtrandу. – Крайне важный день в жизни этих детей...

– И для вас, господин Берtrandу, – сказал Серме-старший. – Это великий день!

Все согласно закивали.

– Для меня тоже... Да уж! Первый в кантоне, не каждый день такое бывает!

– Первый, еще и с большим отрывом и поздравлениями от самого инспектора, – уточнил Серме.

Директор школы покачал головой и опустил взгляд на дно своего граненого стакана.

– Думаю, это великий день для всех нас. И я имею в виду не только Фонвьей. Еще три сертификата – это очень хорошо, но не только для Фонвьея. Важна общая картина распространения образования. А образование – показатель величия народа.

Все снова закивали головами и зашептали: «Образование, конечно... С образованием... Без него сейчас нельзя... Те, у кого есть образование...»

– Фонвьей – всего лишь одна коммуна в глубинке страны, – продолжил учитель. – Но в масштабах кантона, округа, департамента и, наконец, всей страны, каждый год дети, как и наши, получают образование. И каждый такой ребенок – будущий гражданин,

хороший гражданин. А хороших граждан много не бывает.

– Правильно вы заметили, господин Берtrandу, – сказал мужчина с седыми усами, – образование – это величие народа. Не так много лет прошло, но мы уже понимаем это. Раньше мы были как животные. Даже просто записаться в школу было сложно. Когда я поступал, никто из моей деревни не умел читать. А сегодня такие дети, как малыш Симон, знают больше, чем мы в свое время. Это очень хорошо. Нужно продолжать в этом же духе.

Старик погладил свои густые седые усы.

– Времена меняются. Хотел бы я увидеть еще больше на своем веку.

Он повернулся к Серме.

– Эй, приятель, куда планируешь отдать мальчишку? В священники или учителя?

Компания за столом разразилась громким смехом. Все знали, как г-н Берtrandу, да и все фонвейцы относились к священнослужителям. Спор о разделении церкви и школы был в самом разгаре. Даже в отдаленных деревнях кантона накалялись страсти.

– Не думаю, что он станет священником, – задумчиво ответил Серме. – А вот учитель – совсем другое дело. Черт возьми, учитель... Нелегко это.

– Много же вам денег понадобится, чтобы воспитать будущего учителя! – сказала женщина.

– Так и священников скоро не останется! – воскликнул старик.

Г-н Берtrandу поднял свою сухую, желтую руку, покрытую темными венами.

– Вы можете верить во что хотите, но должны уважать других. Религия – это одно, школа – другое. Те, кто верит, будут продолжать платить своим пасторам. За школу платят все граждане. А школа Республики открыта для всех. Таковы ее основные принципы: обязательность, бесплатность и светскость.

Серме наклонился к сыну и погладил его по голове.

– Если он будет продолжать работать, мы можем получить стипендию. А ты что думаешь, малыш? Хочешь быть учителем?

Ребенок опустил голову и провел указательным пальцем по шершавой поверхности стола. На мгновение воцарилась тишина. Все глаза обратились на школьника. Трактирная служанка, улыбчивая девушка невысокого роста в сером холщовом фартуке, встала позади посетителей и тоже смотрела на мальчика, которому сегодня были посвящены все разговоры. <...>

Симон вновь поднял взгляд. В полутьме от приближающейся бури запах цветов вселял надежду на успех.

Он посмотрел на отца, потом на г-на Берtrandу.

– Ах, да! – искренне сказал он. – Я бы хотел стать учителем! <...>

Аромат сухого дерева навевал на мысли о прежних днях. Вспоминались дети, промокшие накидки, развешенные в глубине класса, кожаные школьные портфели, от которых веяло хлебом и мандаринами, и картонные пеналы, украшенные цветами и бабочками.

Ему снились дети, ожидающие его под акациями. Не было ни немцев, ни колючей проволоки, ни оружия. Только дети, призраки из прошлого, выстроились в ряд, чтобы поприветствовать его. «Доброе утро, господин Серме, доброе утро... Ну и жара сегодня, господин Серме! Можно сходить попить из фонтана, господин Серме?»

Многие годы они приходили к нему: брюнеты и блондины, рыжие и шатены, курносые и с плоскими носами, небрежно одетые и в свежeweыглаженных рубашках, взлохмаченные, кучерявые и с аккуратно вплетенными в волосы лентами, с улыбкой во взгляде и со слезами на глазах. Они тянули к нему свои розовые ладошки и грязные, исцарапанными коллочками, ручонки.

Он же подходил к ним, скрывая свои эмоции и представляя, какими людьми станут

эти ребяташки после школы. Он подолгу подбирал слова, снова и снова менял формулировки перед тем как передать их детям. Он по крупицам собирал свои знания – истинные сокровища: вот существительное, за ним прилагательное, потом глагол. И в конце урока он обращался с последними словами: «Вы все поняли? Дети, вы теперь богаты. Каждое слово, произнесенное на уроке, должно звучать в ваших головах, подобно звону дуката в копилке. И вот так день за днем мы потихоньку наполняем ваши кошельки...».

Но вместе со словами он давал им нежность своих рук и наполнял их теплом своего сердца и своей души. Все люди – братья, мы должны любить друг друга, а не убивать. «Слушайте меня внимательно, людям нужны не пушки, а плуги».

Они были здесь. Все. Они всегда возвращались. Их довольные голоса раздавались возле старой школы, подобно жужжанию пчел. Они расходились в разные стороны, но всегда возвращались. И они никогда не забывали имя Серме. В их памяти навсегда остался внимательный взгляд учителя. И они повторяли: «Вы нам как отец, господин Серме. Мы ваши сыновья и дочери. И мы никогда не забудем эту школу».

Перевод победителя в номинации «Лучший перевод художественной прозы с немецкого на русский язык» Александра Дмитриевича Иванова (г. Евпатория)

Дженни Эрпенбек «Иди, пошёл, ушёл»(стр. 104 – 113)

10. Повестка.

За день до Нового года выпал снег. Рихард купил подарки: теплые свитеры разного цвета для Рашида, Аполла и Итембы, он знает, что у них 1 января день рождения.

Когда Рихард шел домой через двор с большим пакетом в руках, он заметил фигуру человека, который сидел на скамье на холоде, Худого.

- Как поживаешь?

- Хорошо.

- Тебе не холодно сидеть здесь на скамье?

«Откуда мог знать Худой, с которым мы не виделись несколько недель, что именно сегодня я буду проходить через двор? Не имеет значения», - подумал Рихард.

- Я могу тебе кое-что показать?

- Конечно.

Худой вытаскивает из нагрудного кармана куртки повестку в полицию с пометкой: «Для прохождения процедуры идентификации личности».

- Что случилось?

- Позавчера на Александерплац полицейские проверили мои документы и сказали, что на фотографии не я.

«Действительно, человек на фотографии выглядит совершенно по-другому. Возможно, этот человек раньше не был таким худым».

Рихард читает имя:

- Карон Анубо.

- Да, - ответил Худой.

В повестке написано:

«Отделение полиции, кабинет 104, госпожа Любке. Понедельник - пятница с 9.00 до 16.00, без предварительной записи.»

- Я отвезу тебя на машине, - сказал Рихард.

В городе пробка, так всегда бывает, когда в Берлине выпадает первый снег. Где-то на рельсах стоят с открытыми дверями трамваи, водители автомобилей кричат друг на друга. То тут, то там слышен резкий свист и вскоре после него раздаётся взрыв салюта, потому что кто-то не может дожидаться полуночи в новогоднюю ночь.

Карон и Рихард едут полтора часа по Берлину вдоль и поперек из Шпандау в Митте, в отделение полиции. Они сворачивают налево, затем направо, прямо по кольцевой развязке, второй выезд.

- Спасибо, что отвез меня, иначе мне пришлось бы покупать билет на проезд, - сказал Карон.

- У тебя нет проездного билета на месяц?

- Обычно я отправляю 150 евро своей матери, сестре и братьям. Но в этом месяце мне пришлось отправить на 50 евро больше, потому что мой брат, работая на поле, поранился мотыгой и ему пришлось обратиться в больницу.

- Мне очень жаль. А ему не мог помочь кто-нибудь другой?

- Такова традиция, - ответил Худой.

- Традиция?

- Это значит, так положено: старший сын должен заботиться о семье.

Однажды из-за своей жены Рихард побывал на встрече Анонимных Алкоголиков. Истории, которые рассказывали там мужчины и женщины, всегда начинались с какого-то

простого обстоятельства, а заканчивались сложным. Например, хомяк сбежал из клетки и спрятался за мебельной стенкой, а чтобы его оттуда достать ей пришлось разобрать. И что же лежало, за вещами на самой нижней полке, куда годами давно никто не заглядывал? Огромное количество пустых бутылок, спрятанных в период зависимости. После этого тяга к спиртному снова вернулась.

«Это косвенные влияния, не прямые» - так часто Рихард думал в последнее время.

- Сколько лет твоему брату?

- Тринадцать - ответил Худой.

Отделение полиции в Митте, в повестке написано:

«Понедельник - пятница с 9.00 до 16.00, без предварительной записи». Они приехали во вторник, в 15-25.

- Госпожа Любке сегодня не ведет прием, - говорит женщина из регистрационного окна.

- Её нет на рабочем месте. Почему не ведет прием? Она сегодня работает на выезде.

- Но здесь написано: *«понедельник - пятница с 9.00 до 16.00, без предв. записи»*.

Рихард так разозлился, что слово «предв.» произнес так, как написано, он проревел эту «в» прямо через переговорную решетку.

- Я ведь вам уже ответила, что госпожи Любке нет на рабочем месте.

- И что теперь делать?

- Мне очень жаль, но вам придется прийти еще раз.

«А если бы господин Анубо приехал сегодня один? Из Шпандау? Из зоны А, в зону Б, туда и обратно? Мне очень жаль... Служащей полиции не жаль, и более того совершенно не жаль, - именно это видит Рихард, - в любом случае, с госпожой Любке сегодня поговорить не получится».

Когда они вернулись в Шпандау, было уже темно. На празднование Нового года с тремя юбилеями у Рихарда не было настроения. На обратном пути он принял решение перенести дарение свитеров на новый год. Перед тем, как высадить Худого возле приюта, они еще посидели и поговорили несколько минут.

- Если я после интервью не смогу больше остаться в Германии, куда мне идти? Где я в Италии найду работу? Как я прокормлю свою мать, сестру и братьев? Где мне найти в этом мире место, где я смогу спокойно спать? Проблема очень большая, - продолжает Карон. - У меня нет ни жены, ни детей. Я молод. Но это очень большая проблема, и заключается она в том, что есть одна женщина и у нее много детей.

«Африканцы должны решать свои проблемы в Африке», - Рихард часто слышал, как это говорят в последнее время люди. Одновременно говорят и такое: «Вероятно, Германия, очень великодушна, что принимает так много военных беженцев». И в то же время он слышал: «Мы ведь не можем прокормить всю Африку». Кроме того, говорят еще: «Беженцы из-за нищеты и беженцы-мошенники занимают в приютах места настоящих военных беженцев».

«Проблемы лучше решать в Африке». На какой-то момент Рихард представил себе, как бы выглядел список дел для мужчин, с которыми он познакомился здесь за последние месяцы.

В то время как в его собственном списке, например, было бы написано:

- вызвать мастера для ремонта посудомоечной машины;
- сходить на прием к урологу;
- снять показания счетчика.

В списке дел для Карона, вместо этого, было бы написано следующее:

- ликвидировать коррупцию, кумовство и детский труд в Гане.

Или у Аполла:

- подать иск против концерна «Арева» (Франция);
- назначить в Нигере новое правительство, которое не позволит иностранным инвесторам себя подкупать или шантажировать;
- создать независимое государство туарегов Азавад (обсудить с Юссуфом).

А у Рашида было бы написано следующее:

- примирить христиан и мусульман в Нигерии;
- убедить Боко Харам сложить оружие.

И, наконец, малограмотный Гермес, в золотых туфлях и будущий санитар Али должны вместе выполнить следующие задачи:

- запретить поставки оружия в Чад из США и Китая;
- запретить добычу нефти в Чаде и ее вывоз из страны в США и Китай.

- Скажи-ка, каким должен быть по размеру земельный участок в Гане, чтобы твоя семья смогла с него прокормиться?

Карон немного подумал и ответил:

- Примерно треть Ораниенплац.
- А сколько бы он стоил?

Карон снова думает и отвечает:

- Я думаю, от 2000 до 3000 евро.

Полтора года назад Рихард уже почти купил себе доску для серфинга за 1495 Евро, но пока он решился на покупку - наступила осень, а прошлым летом после того, как в озере утонул мужчина, ему, конечно, больше не приходила мысль о покупке доски для серфинга.

С другой стороны, покупка робота-пылесоса за 799 евро была бы конечно хорошей идеей. Также пригодился бы видеопроектор для просмотра кино по вечерам с его другом Андреасом. Он скоро вернется после лечения. Если бы Кристель была жива, они бы, возможно, позволили себе приобрести видеокамеру за 1545 евро или планшет с достаточным объемом памяти за 1545 евро, который было бы удобнее брать в поездки, чем компьютер, но это все были вещи, от которых он мог легко отказаться.

С другой стороны, его план наконец-то купить верховую газонокосилку весной (от 999 до 2999 евро) был абсолютно тверд. По крайней мере, еще пять минут назад.

- Ты сказал у тебя большая семья?
- Моя мать, сестра и два младших брата.
- То есть 4 человека?
- Да.
- Что бы они выращивали на таком земельном участке?
- Плантаны, маниоку.
- И тогда они бы ни от кого не зависели?

Моя мать продавала бы часть урожая или обменивала бы его на другие необходимые ей вещи, а остаток был бы для пропитания семьи.

- Что бы ты сказал, если бы я купил для твоей семьи такой земельный участок?

Рихард ожидал увидеть сначала недоверчивого, затем растерянного от восторга и, в конце концов, совершенно счастливого африканца, который будет прыгать от радости, обнимет его или хотя бы от волнения заплачет.

Но ничего подобного не произошло.

Карон был совершенно спокоен и очень серьезен. Он выглядел так, как будто очень напряженно думает.

- Тебе, по крайней мере, не нужно будет заботиться о своей семье.

Карон опять же не отвечает.

- В чем проблема?

- Должен пройти год, прежде чем они смогут собрать первый урожай.

Карон прав.

Но в этот момент Рихард понимает еще и то, что переживания настолько поглотили Карона, что он даже боится на это надеяться.

И вот наступил Новый год. Двадцатилетние подруги девушки Петера пили и танцевали, обсуждали прически, новый фильм, который шел в кинотеатре «Интернациональ», усы поп-певицы, музыкальные группы, о которых Рихард никогда не слышал, а также Рихарда Вагнера, Гарри Поттера, Кьеркегоре, Вирджинию Вульф, красивых мужчин и новый торговый центр на Алексее.

Они целовались с гостями, позже поссорились. Незадолго до полуночи одна из девушек расплакалась, и ее лучшей подруге пришлось ее успокаивать и обнимать. Один из молодых людей слишком много выпил и когда выходил на балкон споткнулся о порог и упал, разбил нос, и ему, незадолго до наступления Нового года, необходимо было наложить на нос пластырь. Сколько времени прошло с тех пор, как Рихард был таким молодым?

Его друг Петер хорошо смотрелся со своей подругой с прекрасным именем Мари, танцующей под песню группы «Queen» «We are the Champions». Рихард спросил себя: «Действительно ли Мари настолько любезна, включая музыку, которая напоминает ее другу, старшему ее более чем на тридцать лет, о его молодости, или ей действительно так нравится эта песня?»

Ровно в 12 часов хлопают пробки от шампанского, гости обнимаются, стреляют салюты, горят бенгальские огни, а Рихард стоит здесь и спрашивает себя: «Что это на самом деле есть, так называемое начало года?»

Еще никогда он настолько по-настоящему не понимал, что что-то в последнюю секунду уходит, в то время как другое, то, о чем не можешь знать, неожиданно приближается. Раньше, он в полночь иногда пытался сосредоточиться на будущем, которое, казалось, в этот момент наступит. Но как можно сосредоточиться на чем-либо, что еще неизвестно? Кто умрет? Кто родится? Чем старше он становился, тем благодарнее он был за то, что ему, также как и другим людям было мало дано знать, что будет.

Первый день в этом новом году – среда. Большинство чиновников иммиграционной службы Берлина воспользовалось возможностью получить почти целую неделю отпуска вместо двух выходных дней при переходе от старого года к новому. Лишь в понедельник, 6 января, они снова войдут в свои офисы и прокрутят колесо на штампе года, полистают папки и документы, напечатают то и напечатают это, отправят несколько писем во вторник.

В среду, 8-го января, в приюты Шпандау, Фридрихсхайн и Веддинг пришли списки с первыми 108 фамилиями тех, кто в пятницу утром, 10 января, должен покинуть свое нынешнее место жительства и вернуться, например, в Макдебург или в контейнерное общежитие на окраине Гамбурга, или в баварский Бергдорф. Туда, где они, 2 года назад не зная европейских и немецких законов, подали ходатайство о предоставлении убежища. И откуда они 2 года назад отправились в Берлин протестовать против закона, который запрещает им вести независимое существование и даже менять место жительства в Германии в течение процесса рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища.

Но закон остается пока еще законом, и в пятницу в 8.00 придет его время. Беженцам, имена которых внесены в список, разрешается самим переезжать в то или иное место, к которому они прикреплены, но, выселение из комнат, которые они до недавнего времени занимали в берлинских приютах, является сейчас, по закону, делом полиции.

< ... >

«Граница, - рассуждает Рихард,- может внезапно стать видимой, может внезапно появиться в том месте, где ее никогда не было и это именно то, что произошло в последние годы на границах Ливии или на границах Марокко или Нигера и происходит сейчас в Берлине-Шпандау. Там, где раньше в Берлине был какой-то дом, тротуар, где велась повседневная жизнь, вдруг появляется такая граница, возникает неожиданно и разрастается, как болезнь».

На праздновании Нового года в квартире подруги Мари, когда Рихард и Петер стояли на балконе и всматривались в темноту старого года, постепенно переходящую в темноту нового года, Петер рассказал о том, что центром Вселенной у инков была не точка, а линия, на которой сталкиваются друг с другом две половины Вселенной.

Может быть то, что здесь видел Рихард, у входа в приют беженцев была тоже подобная линия? Были ли эти обе группы людей, которые здесь выступают друг против друга, тоже чем-то вроде двух половин Вселенной? Являются ли они, на самом деле, одним целым, чье разъединение, при всем при этом, было непреодолимо? Была эта пропасть между ними на самом деле бездонной и поэтому, это вызвало такие сильные волнения? И была ли она между черным и белым? Или между бедным и богатым? Или между чужим и своим?

Или между теми, чьих отцов уже не было в живых и теми, чьи отцы еще были живы? Или между теми, у кого вьющиеся волосы и теми, у кого волосы прямые? Или между теми, кто называет свою еду Фуфú или теми, кто свою называет гуляш?

Или между теми, кому нравится носить желтые, красные и зеленые футболки и теми, кто носит галстук? Или между теми, кто пьет воду и теми, кто любит пить пиво? Или между одним и другим языком? Сколько вообще границ в одной единственной Вселенной? Иначе говоря, что было настоящей, решающей границей? Возможна, та, что между живым и мертвым? Или между звездным небом и землей, по которой он каждый день ходит?

Между одним днем и следующим? Или между лягушками и птицами? Между водой и землей? Между пространством, в котором звучит музыка, и в котором ее нет? Между черным цветом тени и черным цветом древесного угля?

Между трехлистным и четырехлистным клевером? Между шерстью и чешуей? Или миллион раз этих «между» между внутренними и внешними отличиями, если, каждый раз, рассматривать в качестве вселенной одного человека, одно животное или одно растение?

Рихард принял свой внутренний мир, свое тело, которое поддерживало его жизнь, себя, вместе со своими мыслями о красоте Хелен или о лучшем способе нарезать лук.

Если бы учитывались все эти возможные границы, различие между одним и другим человеком показалось бы Рихарду, наоборот, ничтожным. Возможно, это совсем не пропасть, которая внезапно появляется здесь, у входа в приют для беженцев. Возможно, нет на этом уровне Вселенной никакой разницы, и нет никаких двух половин Вселенной. Если речь идет всего лишь о паре пигментов в материале, который на любом языке называется кожей, тогда бы насилие, которое проявилось здесь, в данный момент, не было бы предвестником бури в центре Вселенной, а было бы основано всего лишь на одном абсурдном недоразумении, которое разделяет человечество и не дает осознать, насколько продолжительнее жизнь одной планеты в сравнении с жизнью одного человека.

Неважно, носит ли человек брюки или куртку из коллекции одежды, фирменный свитер, дорогое или дешевое платье или военную форму со шлемом и козырьком. Под одеждой он всегда гол. Если у него все хорошо, то перед смертью он, возможно, какое-то время будет радоваться солнцу, ветру, снегу или воде, возможно, съест то или иное вкусное блюдо или выпьет напиток, возможно, встретит кого-то, кого полюбит и, возможно, его тоже полюбят.

С давних пор, все, что растет и течет в мире, имеется в достатке для всех. Глядя на 20 полицейских фургонов Рихард понимает, что, то, что здесь происходит, это явная борьба за выживание.

«Должна ли принять меры полиция по отношению к тем немцам, которые настолько бедны, что на праздничный стол могут себе позволить только краденого жареного гуся? Скорее всего, нет», - думает Рихард. Иначе он бы давно увидел перед тем или иным отделением банка те же 20 полицейских фургонов и полицейских в полном снаряжении, для того, чтобы задержать управляющих, которые присвоили миллиарды.

«Да, - рассуждает он, - то, что здесь происходит, выглядит, как театр и является театральным представлением, искусственным фронтом, который скрывает совершенно другой, реально существующий фронт. Зрители требуют, как по команде, жертв, и гладиаторы, как по команде, несут свою настоящую жизнь на арену. В Берлине опять забыли, что граница определяла не только силу противника, но и создавала его?»